

Макроэкономика

Оценка влияния санкционных ограничений на динамику российской экономики в 2022–2024 годах

Руслан Ильгизович Мухаметшин

ORCID: 0009-0001-5266-9705

Аналитик, центр межотраслевой экспертизы
«Третий Рим» (РФ, 123022, Москва,
Рочдельская ул., 20); аспирант,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (РФ, 109028,
Москва, Мясницкая ул., 20)
E-mail: muxametshin_00@inbox.ru

Дмитрий Владимирович Скрыпник

ORCID: 0000-0002-4994-960X

Кандидат экономических наук, ведущий
научный сотрудник, Центральный экономико-
математический институт РАН (РФ, 117418,
Москва, Нахимовский пр., 47); директор
Центра экономического моделирования
природных ресурсов и окружающей среды,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (РФ, 109028,
Москва, Мясницкая ул., 20)
E-mail: skrypnikdv@gmail.com

Аннотация

В исследовании проводится количественный анализ влияния санкционных ограничений на динамику российской экономики в 2022–2024 годах. Цель работы состоит в оценке потерь российской экономики от санкционных ограничений и выявлении факторов, определивших динамику ВВП в этот период. Оценка потерь выполнена с использованием авторегрессионной модели с добавлением экзогенных переменных (VARX). В модели рассматривается динамика ВВП и его ключевых компонентов, включая валовое накопление основного капитала, расходы на государственное управление, экспорт и импорт. В качестве экзогенных переменных используются цена на нефть марки *Brent*, количественные индексы санкций США и ЕС, а также уровень безработицы. На основе модели построен контрфактический сценарий, предполагающий отсутствие усиления санкционных ограничений после 2021 года. Это позволяет сопоставить фактическую динамику с прогнозной траекторией и оценить вклад внешних шоков в отклонение макроэкономических показателей от сценария без санкционного давления. Основной негативный эффект санкционных ограничений пришелся на 2022 год, после чего динамика ВВП перешла к росту. В 2023–2024 годах ключевым фактором роста стало увеличение валового накопления основного капитала, тогда как расходы на государственное управление оказывали дополнительную, но менее значительную поддержку выпуску. В то же время экспорт и импорт оставались ниже прогнозной траектории, что отражало влияние санкционных ограничений на внешнюю торговлю России. Суммарные потери российской экономики от внешних ограничений в 2022–2024 годах оцениваются в 2,9 трлн руб., что соответствует в среднем 0,7% ВВП в год. Наибольшие потери пришлось на 2022 год и составили 3,4% ВВП. В 2023 году они сократились до 0,8% ВВП, а в 2024 году отклонение фактического ВВП от контрфактической траектории стало положительным и достигло 1,9% ВВП.

Ключевые слова: внешние ограничения, динамика ВВП, валовое накопление основного капитала, контрфактический анализ

JEL: C32, F51, E62

Macroeconomics

Assessing the Impact of Sanctions on the Dynamics of the Russian Economy From 2022 to 2024

Ruslan I. Mukhametshin

ORCID: 0009-0001-5266-9705

Analyst, Center of Expertise "TRIM";^a
Postgraduate Student, HSE University;^b
e-mail: muxametshin_00@inbox.ru

Dmitry V. Skrypnik

ORCID: 0000-0002-4994-960X

Cand. Sci. (Econ.), Lead Researcher,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences;^c
Director, Center for Economic Modeling of Natural
Resources and the Environment, HSE University;^b
e-mail: skrypnikdv@gmail.com

^a 20, Rochdel'skaya ul., Moscow, 123022, Russian Federation

^b 20, Myasnitskaya ul., Moscow, 109028, Russian Federation

^c 47, Nakhimovskiy pr., Moscow, 117418, Russian Federation

Abstract

The study quantitatively assesses the impact of sanctions on the Russian economy from 2022 to 2024 by estimating the losses due to sanctions and identifying the factors that shaped GDP during this period. The assessment is based on a vector autoregressive model with exogenous variables (VARX). The model examines GDP and its key components: gross fixed capital formation, government expenditure, exports, and imports. The exogenous variables include the Brent crude oil price, quantitative indices of US and EU sanctions, and the unemployment rate. A counterfactual scenario was constructed assuming no further tightening of sanctions after 2021. This provided a comparison of the actual dynamics to the forecast trajectory and an assessment of the effects of external shocks. The main negative effect occurred in 2022, after which GDP shifted to growth. During 2023 and 2024, the key driver was the increase in gross fixed capital formation, while government expenditure provided additional but less significant support to output. At the same time, exports and imports remained below the forecast trajectory, reflecting the impact of sanctions on Russia's foreign trade. Total losses attributable to external restrictions from 2022 to 2024 reached approximately 2.9 trillion rubles, or 0.7% of GDP per year on average. The largest negative effect occurred in 2022 and amounted to –3.4% of GDP, decreased to –0.8% in 2023, but turned positive in 2024 to reach 1.9% of GDP.

Keywords: external restrictions, GDP dynamics, gross fixed capital formation, counterfactual analysis

JEL: C32, F51, E62

Введение

Санкции как инструмент внешней политики имеют долгую историю, при этом интенсивность их применения в международной практике возросла во второй половине XX века, когда они стали использоваться как альтернатива военным действиям. Санкции, введенные против России в 2014 году, носили преимущественно локальный характер и были направлены на отдельные сектора экономики и компании, не оказывая системного влияния на экономику. После 2022 года санкционное давление на российскую экономику значительно расширилось и приобрело комплексный характер, охватив практически все ключевые сектора экономики. В связи с этим эксперты и международные организации прогнозировали значительный спад ВВП России. Согласно ряду количественных оценок, снижение ВВП России в 2022 году ожидалось на уровне от 3,7 до 7,7%, а в сценарии изоляции от мировой торговли спад прогнозировался на уровне 15–20%. Прогнозировалось также падение экспорта более чем на 15% и снижение реальных доходов населения на 6–8%. Однако фактический спад ВВП в 2022 году составил 1,4%, а в 2023–2024 годах экономика перешла к фазе ускоренного роста — в среднем темп роста составил 4,5% в год.

Целью работы является количественная оценка потерь российской экономики от санкционных ограничений в 2022–2024 годах и выявление факторов, определивших динамику ВВП в этот период. В отличие от большинства существующих работ, где последствия санкций оцениваются в рамках сценариев полной или близкой к полной торговой изоляции России при ограниченном учете внутренних факторов, в построенной модели учитывается валовое накопление основного капитала и другие компоненты ВВП. Кроме того, при формировании сценарного прогноза используются количественные индексы санкций США и ЕС, тогда как в ряде исследований санкционные ограничения задаются через повышение тарифных и нетарифных торговых издержек. Согласно полученным модельным оценкам, наибольшие потери от внешних ограничений пришлось на 2022 год и составили 3,4% ВВП. В 2023 году они сократились до 0,8% ВВП, а в 2024 году фактический ВВП оказался выше контрфактического на 1,9% ВВП.

1. Обзор литературы

Санкции как инструмент экономического давления широко применялись в 1920–1930-х годах, а их систематическое изучение началось в середине XX века. Работа [Hufbauer et al., 2007] является одним из первых исследований, посвященных систематиче-

скому анализу эффективности международных санкций. В ней рассмотрены 174 эпизода санкций за период 1914–2000 годов. Авторы показали, что санкции достигали поставленных целей в 34% случаев, причем их эффективность была выше при введении коалицией государств. Отдельно отмечается, что в отношении государств с авторитарным режимом и значительной ресурсной базой санкции оказываются менее эффективными, поскольку такие страны способны быстро мобилизовать внутренние ресурсы для противодействия внешним ограничениям.

В первой половине XX века санкции оказывали ограниченное воздействие, что было обусловлено низкой степенью взаимозависимости национальных экономик. По мере развития процессов глобализации существенно расширились трансграничные экономические связи и углубилась интеграция государств в мировую экономику. Рост этой взаимосвязанности повысил чувствительность национальных экономик к внешним шокам, включая введение санкций. В частности, усилилось влияние торговых и финансовых ограничений, поскольку они затрагивают ключевые сектора экономики стран-целей. Значительная часть исследований рассматривает последствия введения санкций для экономик Венесуэлы, Ирана и России — государств, в отношении которых за последние десятилетия было введено наибольшее число ограничительных мер.

Применение торговых санкций против Венесуэлы и Ирана было в основном направлено на ограничение экспорта нефти. Во-первых, сокращение объемов поставок снижало валютные поступления и ослабляло национальные валюты, что усиливало инфляционное давление. Во-вторых, высокая зависимость этих экономик от нефтяного сектора усиливала передачу внешнего шока на смежные отрасли и приводила к снижению экономической активности в целом. В-третьих, ограничение экспорта нефти сокращало нефтегазовые доходы бюджета, что, в свою очередь, вынуждало уменьшать государственные расходы и дополнительно ослабляло совокупный спрос.

В [Laudati, Pesaran, 2022; Shirazi et al., 2016] показано, что в 2012–2014 годах экспорт Ирана сократился в среднем на 33%, а совокупные потери достигли 104 млрд долл. Отмечается также, что санкции сопровождались девальвацией риала, ускорением инфляции и снижением темпов экономического роста примерно на 2 п.п. в год. Вместе с тем в [Bull, Rosales, 2020] отмечается, что торговые санкции против Венесуэлы, в частности ограничение экспорта нефти, сопровождались ростом инфляции и дефицитом товаров первой необходимости.

Анализ кейсов Венесуэлы и Ирана релевантен для исследования санкций против России, потому что российская экономика также в значительной степени зависит от нефтяного экспорта, что делает

механизмы воздействия торговых санкций схожими. В 2014 году против России были введены торговые и финансовые санкции. Однако торговые санкции не затрагивали российский экспорт и были направлены на ограничение поставок в РФ высокотехнологичной продукции и товаров двойного назначения. Финансовые санкции ограничивали возможности крупных российских банков и компаний по привлечению долгосрочных заимствований на внешних рынках. Введение санкций совпало с резким снижением мировых цен на нефть: в 2015 году они оказались на 47% ниже уровня 2014 года. Таким образом, российская экономика столкнулась сразу с двумя внешними шоками. Ряд исследований показывает, что ключевым фактором замедления экономической активности в 2014–2015 годах стало падение нефтяных цен. Санкции, в свою очередь, усилили спад, но не были его основной причиной.

В [Dreger et al., 2016] анализируется влияние внешних шоков на динамику курса рубля. Основное влияние на ослабление рубля оказало значительное снижение мировых цен на нефть, тогда как санкции лишь увеличивали его волатильность. Контрфактический анализ в [Kholodilin, Netšunajev, 2019] показал, что фактическая динамика ВВП практически не отличалась от траектории, которую российская экономика демонстрировала бы в отсутствие санкций, но при сохранении более низких цен на нефть. Отдельно в [Pestova, Mamonov, 2019] рассматривается воздействие финансовых санкций через ограничение внешнего кредитования. По оценкам авторов, финансовые санкции привели к совокупному снижению темпов роста ВВП примерно на 1,2 п.п. в 2014–2015 годах. Вместе с тем основной причиной спада экономической активности авторы считают резкое падение мировых цен на нефть, а санкции лишь усугубили негативную динамику.

Другой подход реализован в [Зубарев, Рыбак, 2020], где влияние санкций рассматривается через шоки премии за риск. Показано, что шоки премии за риск, вызванные санкциями, оказывают ограниченное и краткосрочное влияние на ВВП и инвестиции.

В [Bali et al., 2024] раздельно анализируется воздействие санкций ЕС и США. Авторы отмечают, что наиболее выраженный эффект ограничительных мер наблюдался в 2014–2015 годах. При этом, по мнению авторов, как и в ряде других исследований, влияние санкций на динамику ВВП оказалось краткосрочным и ограниченным — основным фактором снижения ВВП стало падение мировых цен на нефть. Согласно модельным оценкам [Bali et al., 2024], влияние санкций на экономическую активность в России в 2015–2021 годах практически отсутствовало.

В отличие от санкций 2014–2021 годов, в 2022 году санкционное давление приобрело всеобъемлющий характер. Масштаб введенных

ограничений, включавший торговое эмбарго, разрыв производственно-логистических цепочек и отключение российской экономики от глобальной финансовой системы, предполагал значительный экономический спад. По прогнозам МВФ и Всемирного банка, снижение ВВП должно было составить 3,4 и 8,9% соответственно^{1, 2}. В свою очередь, ЦБ ожидал снижение ВВП на 3,0–3,5%, а Министерство экономического развития прогнозировало спад на уровне 2,9%^{3, 4}.

В [Nosoe, 2023; Kumagai et al., 2022; Pestova, Mamonov, 2023] потери ВВП России в результате санкционных ограничений оцениваются в диапазоне от 3 до 15,8% в 2022 году. В частности, в исследовании [Nosoe, 2023] показано, что при введении санкций со стороны западных стран и Японии снижение ВВП составляет 3,2%, тогда как присоединение к санкционному режиму Китая и Индии увеличивает потери до 4,5%. В [Kumagai et al., 2022] показано, что при полном прекращении внешней торговли со всеми странами сокращение ВВП России достигает 15,8%, тогда как сохранение торговых связей с Китаем ограничивает спад до 4,6%.

Таким образом, в ряде исследований прогнозировался значительный экономический спад, однако фактическая динамика ВВП России после введения второй волны санкций оказалась выше прогнозных оценок. В частности, по данным Росстата, в 2022 году спад ВВП составил лишь 1,4%, что значительно ниже прогнозируемых значений, варьировавшихся в интервале от 3,7 до 20,4%. В следующие годы российская экономика демонстрировала устойчивый рост: в 2023 году — на 4,1%, в 2024 году — на 4,9%. Масштаб и продолжительность экономического спада оказались намного меньше, чем предполагалось в большинстве модельных оценок. Это указывает на неполную спецификацию ранее предложенных моделей, в которых не были учтены компенсирующие факторы. Среди них динамика отдельных компонентов ВВП, а также высокие мировые цены на минеральные ресурсы. Волатильная динамика цен на минеральные ресурсы могла быть поддержана неопределенностью и рисками на глобальных энергетических рынках на фоне введения санкций против России — одного из ведущих мировых поставщиков энергоносителей. В этой связи возникает необходимость разработки модели, способной не только отразить влияние санкционного давления, но

¹ World Economic Outlook: Countering the Cost-Of-Living Crisis. International Monetary Fund. October 2022. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>.

² Global Economic Prospects. World Bank Group. June 2022. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/7d8a7c7f3b8c5d6c2b3e7e9a6f1a5b5f-0350012022/original/Global-Economic-Prospects-June-2022.pdf>.

³ Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 28 октября 2022 года. Банк России. <https://www.cbr.ru/analytics/forecast/>.

⁴ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroekonomika/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov/.

и учесть совокупность факторов, смягчающих негативный эффект ограничительных мер на макроэкономическую динамику России.

2. Методология

В исследованиях по оценке влияния санкций на российскую экономику часто используются векторные авторегрессионные модели. В настоящей статье выбрана VARX-модель, потому что она позволяет строить условный прогноз при заданных внешних факторах. На прогнозном горизонте цена нефти *Brent*, индексы санкций США и ЕС, а также уровень безработицы фиксируются на значениях, соответствующих контрфактическому сценарию без шоков после 2021 года. Это позволяет оценить, как в этих условиях могла складываться динамика ВВП и его компонентов.

В модели используются квартальные данные по ВВП, валовому накоплению основного капитала, расходам на государственное управление, экспорту, импорту, цене нефти *Brent*, индексам санкций США и ЕС, а также уровню безработицы. Данные по ВВП и его компонентам получены из статистической базы данных Росстата и представлены в постоянных ценах 2021 года с сезонной корректировкой. Данные по безработице взяты из базы данных Международной организации труда. Первичные данные по безработице показывали наличие сезонности, поэтому их ряд сезонно скорректирован методом X-13 ARIMA. Индексы санкционного давления США и ЕС заимствованы из работы [Bali et al., 2024].

Публикация данных по экспорту и импорту в постоянных ценах после начала 2022 года была приостановлена, поэтому значения за 2022–2024 годы строились на основе годовых оценок реального роста экспорта и импорта Минэкономразвития РФ. Для этого уровень предыдущего года умножался на соответствующий темп прироста, а затем полученное годовое значение равномерно распределялось по кварталам.

Для увеличения выборки ряды в постоянных ценах 2021 года, доступные с 2011 года, продлены до 2003 года. Значения за 2003–2010 годы рассчитывались по темпам прироста соответствующих рядов в постоянных ценах 2008 года, которые доступны для 2003–2011 годов.

Перед оценкой модели временные ряды проверены на стационарность с использованием тестов ADF и KPSS. Проверка показала, что ряды в уровнях нестационарны. Для ВВП, валового накопления, государственных расходов, экспорта, импорта и цены нефти *Brent* брались разности логарифмов. Для индексов санкций США и ЕС, а также для уровня безработицы использовались первые разности.

После проверки рядов на стационарность и их преобразования была оценена VARX-модель. В эндогенный блок вошли ВВП, валовое накопление основного капитала, расходы на государственное управление, экспорт и импорт. В экзогенный блок были включены цена нефти *Brent*, индексы санкций США и ЕС и уровень безработицы. Длина лага выбиралась на основе информационного критерия AIC, который указал на спецификацию с одним лагом.

VARX-модель может быть представлена в общем виде следующим образом:

$$y_t = c + \sum_{i=1}^p A_i y_{t-i} + \sum_{j=0}^s B_j x_{t-j} + \varepsilon_t,$$

где c — вектор констант, y_t — вектор эндогенных переменных, x_t — вектор экзогенных переменных, A_i — матрица коэффициентов при лаговых значениях эндогенных переменных, B_j — матрица коэффициентов при лаговых значениях экзогенных переменных, ε_t — вектор случайных ошибок.

Модель оценивалась на выборке 2003–2021 годов; после этого строился условный прогноз на период 2022–2024 годов. Такой прогноз описывает траекторию российской экономики после 2021 года в отсутствие внешних шоков, прежде всего ужесточения санкционного давления. Ниже рассматривается, как задавались значения экзогенных переменных на прогнозном горизонте.

В сценарном прогнозе используется траектория цен на нефть согласно прогнозу Всемирного банка, опубликованному в 2021 году: 69 долл. за баррель в 2022–2023 годах и 65 долл. за баррель в 2024 году⁵. Россия является одним из крупнейших экспортеров нефти на мировом рынке, и введение санкционных ограничений против нее в 2022 году способствовало значительному росту цен на мировом нефтяном рынке. В этой связи использование прогнозной траектории цен на нефть является необходимым условием построения сценарного прогноза, в котором санкционный фон не ужесточается.

В работе используются два индекса санкций, представленных в [Bali et al., 2024], — индекс санкций США и индекс санкций ЕС. Оба индекса включены в модель как отдельные экзогенные переменные. В сценарном прогнозе на период 2022–2024 годов значения обоих индексов фиксируются на уровне IV квартала 2021 года, что соответствует предпосылке об отсутствии дальнейшего ужесточения санкционного режима.

Уровень безработицы включен в модель в качестве экзогенного фактора, поскольку в России он слабо реагирует на краткосрочные

⁵ World Bank Commodities Price Forecast (nominal US dollars). World Bank Group, 2021, October 21. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/ff5bad98f52ffa2457136bbef5703ddb-0350012021/related/CMO-October-2021-forecasts.pdf>.

колебания ВВП, что показывают и предыдущие кризисы. Это позволяет в рамках сценарного прогноза рассматривать его отдельно от текущей динамики выпуска. Такое допущение особенно важно для 2022–2024 годов, когда на выпуск влияли не только санкционный шок и увеличение инвестиционной активности, но и ситуация на рынке труда, связанная с вовлечением дополнительных трудовых ресурсов. Если эти изменения не учитывать, часть отклонения фактического ВВП от сценарной траектории можно ошибочно отнести либо к эффекту санкций, либо к результату компенсирующего роста инвестиций. В сценарном прогнозе на 2022–2024 годы уровень безработицы фиксируется на уровне 4,6% в соответствии с оценками Минэкономразвития за 2021 год.

При заданных значениях экзогенных переменных на период 2022–2024 годов на основе оцененной VARX-модели строился условный поквартальный прогноз ВВП, валового накопления основного капитала, расходов на государственное управление, экспорта и импорта. Далее полученные прогнозные значения сопоставляются с их фактической динамикой за 2022–2024 годы.

3. Эмпирические результаты

В этом разделе представлены результаты количественной оценки влияния санкционных ограничений на динамику ВВП и его компонентов.

На рис. 1 отражена динамика фактического и прогнозного ВВП. Основное внимание в анализе сосредоточено на периоде 2022–2024 годов. В 2022 году ВВП сократился на 1,4% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Наибольшее снижение было зафиксировано во II квартале — на 4,9% по сравнению с предыдущим кварталом. Сокращение вызвано введением всеобъемлющих санкций и уходом значительной части иностранных компаний с российского рынка. Так, сокращение импорта в краткосрочном периоде обусловило нарушение логистических цепочек, частичный дефицит оборудования и комплектующих, что, в свою очередь, могло привести к приостановке деятельности компаний с высокой зависимостью от внешних поставок. По мере восстановления технологических и логистических цепочек в III и IV кварталах наблюдался рост ВВП: на 1,1 и 1,6% соответственно. Несмотря на восстановление во втором полугодии, в течение всего 2022 года фактическая динамика находилась ниже сценарных значений, что может говорить о значительном негативном воздействии внешних ограничений в первый год их действия.

В 2023 году рост ВВП восстановился, а в 2024-м темпы прироста ускорились. Восстановление производственно-логистических

цепочек и расширение внутреннего производства сопровождались увеличением инвестиций в основной капитал, что стало одним из факторов роста ВВП. К середине 2023 года фактическая траектория ВВП превысила прогнозную, а годовой прирост ВВП составил 4,1%. В 2024 году рост экономической активности ускорился и также находился выше прогнозной траектории. По итогам 2024 года ВВП увеличился на 4,9%.

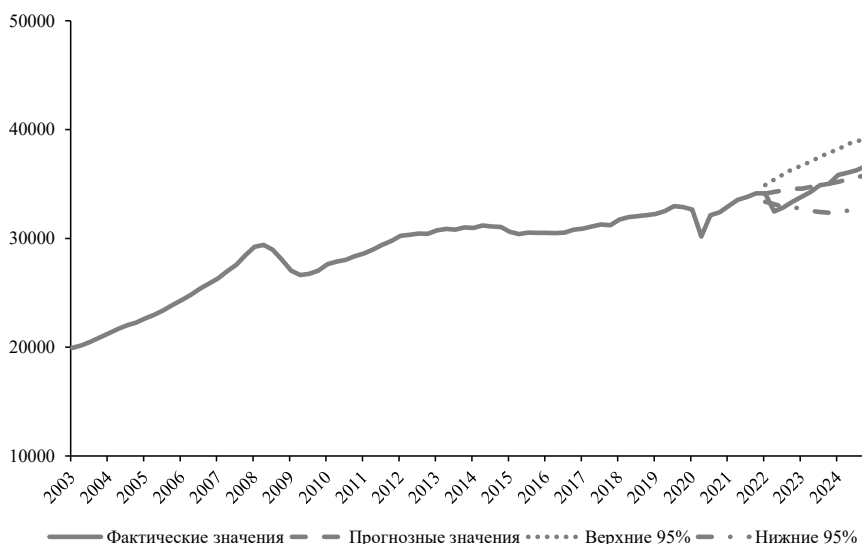

Рис. 1. Динамика фактических и прогнозных значений ВВП по кварталам (млрд руб.), 2003–2024 годы

Fig. 1. Dynamics of Actual and Forecast GDP by Quarter (RUB bln), 2003–2024

На рис. 2 представлена фактическая и прогнозная динамика валового накопления основного капитала. После кратковременного спада во II квартале 2022 года инвестиции достаточно быстро вернулись к росту и в 2022–2024 годах стали одним из ключевых факторов повышения ВВП. Валовое накопление увеличилось на 6,7% в 2022 году, на 11,0% — в 2023-м и на 8,6% — в 2024-м. Устойчиво высокие темпы роста в течение трех лет подряд показывают, что расширение инвестиционной активности в этот период было обусловлено не краткосрочной реакцией на санкционный шок, а структурной трансформацией экономики. В результате в 2024 году уровень валового накопления оказался на 28,6% выше уровня 2021 года.

Значительный рост валового накопления отражал перестройку российской экономики в условиях внешних ограничений. Инвестиционная активность формировалась под влиянием как государственного, так и частного сектора. При этом прямой вклад государственного сектора в финансирование инвестиций увели-

чился лишь ограниченно по сравнению с общим масштабом их роста. Доля бюджетных средств в источниках финансирования инвестиций выросла с 18,3% в 2021 году до 20,5% в 2022-м, затем составила 19,7% в 2023-м и 16,6% — в 2024-м.

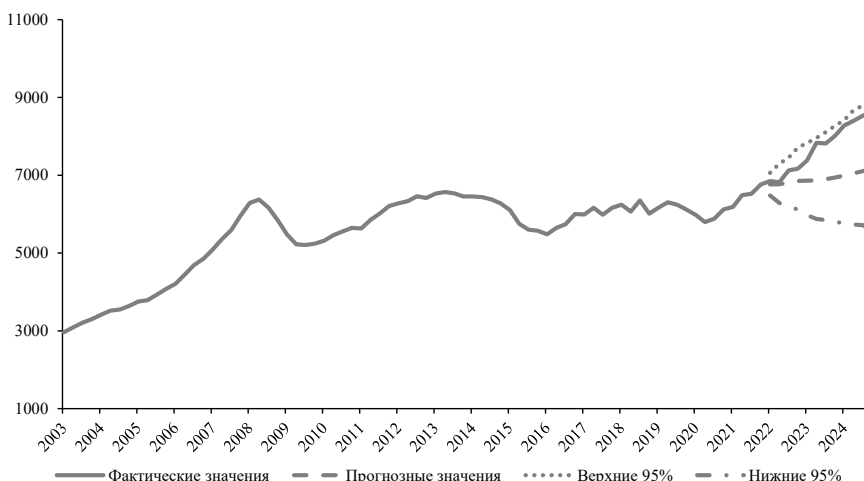

Рис. 2. Динамика фактических и прогнозных значений валового накопления основного капитала по кварталам (млрд руб.), 2003–2024 годы

Fig. 2. Dynamics of Actual and Forecast Gross Fixed Capital Formation by Quarter (RUB bln), 2003–2024

Это показывает, что ускорение инвестиционной активности определялось не только прямыми бюджетными вложениями. Существенную роль сыграли спрос со стороны государства и госкомпаний, реализация крупных проектов с государственным участием, а также льготное кредитование и субсидии. Эти меры поддерживали совокупный спрос и тем самым создавали дополнительные стимулы для расширения инвестиций со стороны бизнеса.

Со стороны частного сектора рост инвестиций определялся расширением внутреннего спроса, импортозамещением и перестройкой логистических и производственных цепочек. В 2023 году конечное потребление домашних хозяйств выросло на 8,7%, а в 2024 году — на 6,8%. В этих условиях спрос увеличивался быстрее предложения, что повышало загрузку мощностей и усиливало потребность в новых вложениях. Так, уровень загрузки производственных мощностей в 2023–2024 годах составлял 80%⁶.

Дополнительный импульс инвестициям давали ограничения импорта и уход части иностранных производителей с российского

⁶ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Банк России, 2024. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025%282026-2027%29.pdf.

рынка. Это требовало как расширения собственного производства, так и перестройки логистики. Перестройка цепочек поставок сопровождалась ростом вложений в транспортировку и хранение. В 2023 году инвестиции в этом виде деятельности увеличились на 8,4%, в 2024 году — на 3,4%. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в сухопутном и трубопроводном транспорте, складском хозяйстве и вспомогательной транспортной деятельности.

На рис. 3 представлена фактическая и прогнозная динамика импорта. В 2022 году его объем сократился на 16,9% по сравнению с предыдущим годом. В 2023-м последовал восстановительный рост на 12,9%, а в 2024-м темп прироста замедлился до 1,9%. Восстановлению внешних поставок способствовали главным образом легализация параллельного импорта и формирование альтернативных цепочек поставок. Вместе с тем в 2023–2024 годах объем импорта оставался ниже прогнозной траектории. Сокращение внешних поставок частично компенсировалось внутренним производством, что вносило дополнительный вклад в восстановление экономической активности.

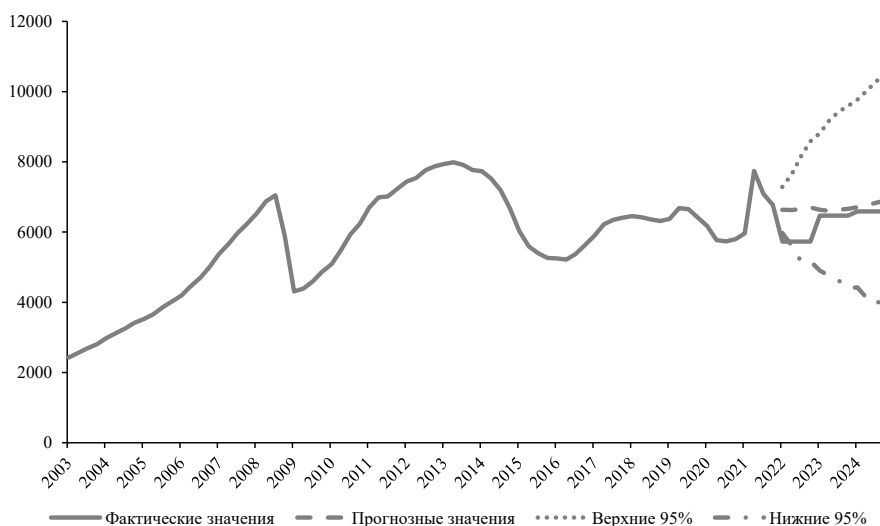

Рис. 3. Динамика фактических и прогнозных значений импорта по кварталам (млрд руб.), 2003–2024 годы

Fig. 3. Dynamics of Actual and Forecast Import Values by Quarter (RUB bln), 2003–2024

Однако отклонение фактической динамики импорта от прогнозной траектории может также указывать на сохранение ограничений со стороны предложения. В условиях внешних ограничений российская экономика импортировала меньше, чем в сценарии без усиления санкционного давления, при том что потребность отдельных отраслей в импортном оборудовании и ком-

плекующих сохранялась, что оказывало сдерживающее влияние на производственные возможности предприятий⁷.

На рис. 4 представлена фактическая и прогнозная динамика экспорта. В 2022–2023 годах, на фоне наиболее активной фазы введения санкционных ограничений против российского экспорта, его объем снижался: темп прироста составил –14,0% в 2022 году и –11,0% в 2023-м. В 2024 году экспорт вырос на 2,5% по сравнению с предыдущим годом, хотя и оставался ниже прогнозной траектории.

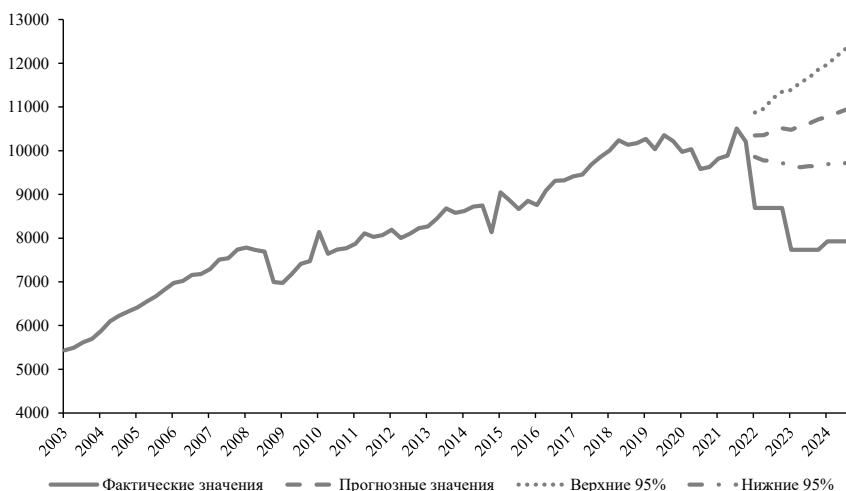

Рис. 4. Динамика фактических и прогнозных значений экспорта по кварталам (млрд руб.), 2003–2024 годы

Fig. 4. Dynamics of Actual and Forecast Exports by Quarter (RUB bln), 2003–2024

Введение эмбарго со стороны стран-инициаторов стало основным фактором снижения экспорта. Ограничения затронули нефть, газ, уголь, нефтепродукты и металлы. Хотя сокращение поставок в страны ЕС сопровождалось переориентацией экспортных потоков в Индию и Китай, это не позволило полностью компенсировать физические потери из-за сохранявшихся логистических ограничений. В результате реальный экспорт стабилизировался на более низком уровне, чем в 2021 году.

На рис. 5 показана динамика фактических и прогнозных расходов на государственное управление. В 2022–2024 годах фактические расходы превышали прогнозную траекторию, что оказывало дополнительное положительное влияние на динамику ВВП. Превышение фактических расходов над прогнозными значениями могло быть обусловлено ростом доли расходов на обеспечение военной безопасности.

⁷ Региональная экономика: комментарии ГУ. Банк России. № 26. 2024. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/48964/report_01032024.pdf.

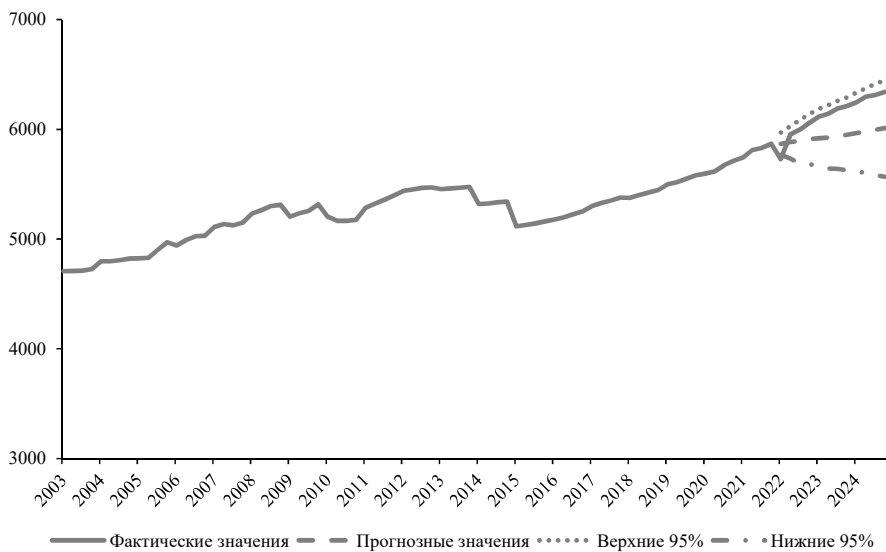

Рис. 5. Динамика фактических и прогнозных значений расходов на государственное управление (млрд руб.), 2003–2024 годы

Fig. 5. Dynamics of Actual and Forecast Government Expenditures (RUB bln), 2003–2024

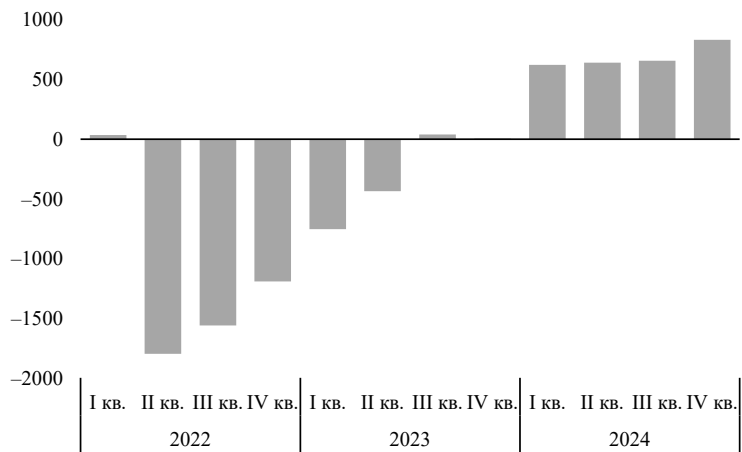

Рис. 6. Отклонение фактического ВВП от прогнозного по кварталам (млрд руб.), 2022–2024 годы

Fig. 6. Deviation of Actual GDP from Forecast GDP by Quarter (RUB bln), 2022–2024

Таким образом, контрфактический анализ динамики ВВП и его компонентов показывает, что в 2023–2024 годах основной вклад в рост ВВП вносило увеличение валового накопления основного капитала. Расходы на государственное управление также превышали прогнозную траекторию и поддерживали выпуск, но их

роль была меньше, чем роль инвестиций. В то же время экспорт и импорт оставались значительно ниже прогнозных траекторий из-за санкционных и логистических ограничений. По оценкам авторов, совокупные потери российской экономики от санкций в 2022–2024 годах составили 2,9 трлн руб., что эквивалентно в среднем 0,7% ВВП в год (рис. 6).

Заключение

В работе проведена количественная оценка влияния санкционных ограничений на динамику российской экономики в 2022–2024 годах. По итогам 2022 года сокращение ВВП составило 1,4%, при этом, согласно модельным оценкам, именно в этот период реализовался основной негативный эффект санкций. В 2023–2024 годах российская экономика перешла к росту: в 2023 году ВВП увеличился на 4,1%, а в 2024 году — на 4,9%. При этом фактическая динамика ВВП превысила прогнозную траекторию.

Контрфактический анализ показывает, что в 2023–2024 годах основной вклад в рост ВВП вносило увеличение валового накопления основного капитала. Расходы на государственное управление также превышали прогнозную траекторию и оказывали положительное влияние на выпуск, однако их роль была менее значительной по сравнению с инвестициями. При этом отклонение экспорта и импорта от прогнозной траектории в 2023–2024 годах объясняется действием санкционных ограничений на внешнюю торговлю России: экспорт оставался ниже прогнозных значений вследствие введения эмбарго на поставки российских сырьевых товаров, а импорт — из-за неполного восстановления доступа к необходимым товарам, оборудованию и комплектующим.

Согласно оценкам модели, совокупные потери российской экономики от санкционных ограничений в 2022–2024 годах в среднем составили 0,7% ВВП в год.

Литература

1. Зубарев А. В., Рыбак К. С. Влияние премии за риск на макроэкономические показатели России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2020. Т. 24. № 3. С. 391–414. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-3-391-414.
2. Bali M., Rapelanoro Rabenja N., Pratson L. Sanctions Effects on Russia: A Possible Sanction Transmission Mechanism? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2024. Vol. 30. No 2. P. 229–259. DOI: 10.1007/s10610-024-09578-w.
3. Bull B., Rosales A. Into the Shadows: Sanctions, Rentierism, and Economic Informalization in Venezuela // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2020. No 109. P. 107–133. DOI: 10.32992/erlacs.10556.
4. Dreger C., Kholodilin K. A., Ulbricht D., Fidrmuc J. Between the Hammer and the Anvil: The Impact of Economic Sanctions and Oil Prices on Russia's Ruble // *Journal of Comparative Economics*. 2016. Vol. 44. No 2. P. 295–308. DOI: 10.1016/j.jce.2015.12.010.

5. Hosoe N. The Cost of War: Impact of Sanctions on Russia Following the Invasion of Ukraine // *Journal of Policy Modeling*. 2023. Vol. 45. No 2. P. 305–319. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2023.04.001.
6. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.
7. Kholodilin K. A., Netšunajev A. Crimea and Punishment: The Impact of Sanctions on the Russian Economy and Economies of the Euro Area // *Baltic Journal of Economics*. 2019. Vol. 19. No 1. P. 39–51.
8. Laudati D., Pesaran M. H. Identifying the Effects of Sanctions on the Iranian Economy Using Newspaper Coverage // *Journal of Applied Econometrics*. 2022. Vol. 38. No 3. P. 271–294. DOI: 10.1002/jae.2947.
9. Mamonov M., Pestova A. The Price of War: Macroeconomic and Cross-Sectional Effects of Sanctions on Russia. *CERGE-EI Working Paper*. No wp756. 2023.
10. Pestova A., Mamonov M. Should We Care? The Economic Effects of Financial Sanctions on the Russian Economy. *BOFIT Discussion Papers*. No 13. 2019.
11. Shirazi H., Azarbaieji K., Sameti M. The Effect of Economic Sanctions on Iran's Exports // *Iranian Economic Review*. 2016. Vol. 20. No 1. P. 111–124.

References

1. Zubarev A. V., Rybak K. S. Vliyanie premii za risk na makroekonomicheskie pokazateli Rossii [The Impact of Risk Premium on Russian Macroeconomic Indicators]. *Ekonomicheskij zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*, 2020, vol. 24, no. 3, pp. 391–414. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-3-391-414. (In Russ.)
2. Bali M., Rapelanoro Rabenja N., Pratson L. Sanctions Effects on Russia: A Possible Sanction Transmission Mechanism? *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2024, vol. 30, no. 2, pp. 229–259 DOI: 10.1007/s10610-024-09578-w.
3. Bull B., Rosales A. Into the Shadows: Sanctions, Rentierism, and Economic Informalization in Venezuela. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, 2020, no. 109, pp. 107–133. DOI: 10.32992/erlacs.10556.
4. Dreger C., Kholodilin K. A., Ulbricht D., Fidrmuc J. Between the Hammer and the Anvil: The Impact of Economic Sanctions and Oil Prices on Russia's Ruble. *Journal of Comparative Economics*, 2016, vol. 44, no. 2, pp. 295–308. DOI: 10.1016/j.jce.2015.12.010.
5. Hosoe N. The Cost of War: Impact of Sanctions on Russia Following the Invasion of Ukraine. *Journal of Policy Modeling*, 2023, vol. 45, no. 2, pp. 305–319. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2023.04.001.
6. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC, Peterson Institute for International Economics, 2007.
7. Kholodilin K. A., Netšunajev A. Crimea and Punishment: The Impact of Sanctions on the Russian Economy and Economies of the Euro Area. *Baltic Journal of Economics*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 39–51.
8. Laudati D., Pesaran M. H. Identifying the Effects of Sanctions on the Iranian Economy Using Newspaper Coverage. *Journal of Applied Econometrics*, 2022, vol. 38, no. 3, pp. 271–294. DOI: 10.1002/jae.2947.
9. Mamonov M., Pestova A. The Price of War: Macroeconomic and Cross-Sectional Effects of Sanctions on Russia. *CERGE-EI Working Paper*, no. wp756, 2023.
10. Pestova A., Mamonov M. Should We Care? The Economic Effects of Financial Sanctions on the Russian Economy. *BOFIT Discussion Papers*, no. 13, 2019.
11. Shirazi H., Azarbaieji K., Sameti M. The Effect of Economic Sanctions on Iran's Exports. *Iranian Economic Review*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 111–124.